

Иосиф Аронович Халифман (1902 – 1988).

Вступление

ПИСАТЕЛЮ и ученому-натуралисту Иосифу Ароновичу Халифману в 2002 году исполнилось бы 100 лет (он умер в 1988 году). Его перу принадлежит множество научно-художественных книг и очерков об общественных насекомых – пчелах, осах, шмелях, муравьях, термитах, а также об их знаменитых исследователях, в том числе о Ж. А. Фабре и К. Фрише. Книга «Пчелы» (1950, удостоена Государственной премии в 1951 году) сразу же получила широкую известность в научных кругах, у пчеловодов, в литературной среде и у массового читателя в нашей стране и за рубежом. Интерес вызвали и последующие его книги (некоторые из них написаны совместно с женой Е. Н. Васильевой). Эти сочинения – не просто описание биологии хорошо знакомых каждому и вместе с тем загадочных существ, но, по выражению автора литературной биографии Халифмана Льва Разгона, – «повествование о выслеживании истины, выслеживании ее с той страстью, замиранием сердца, радостью успеха, горечью разочарования, которые так хорошо знакомы каждому охотнику», писателю удалось «своим напряженным, точным и изобразительно ясным рассказом вызвать сопереживание у читателя, сделать его сопричастным к исследованиям ученого, а следовательно, сопричастным к красоте и сложности природы». В этом – секрет успеха творческого наследия И. А. Халифмана.

Ва шкафа в доме у Дворцового моста

В НЕСКОЛЬКИХ шагах от Дворцового моста на Неве, наискосок от Зимнего дворца, в самом начале Университетской набережной, стоит старомодное серое здание. В нем три этажа, занимает оно целый квартал и выглядит приземистым. Когда-то здесь были пакгаузы биржи, однако об этом уже забывают и старожилы: в 1930-е годы в здании обосновались Зоологический институт и Зоологический музей (он был основан в 1832 году) Российской академии наук.

В огромном, но давно ставшем тесным вестибюле посетителей встречает немая стая недвижимо плывущих над паркетом белух, акул, кашалотов, нарвалов. Впрочем, чучела этих морских и океанских чудовищ выглядят мелюзгой по сравнению с растопырившим над ними огромные пластины ребер 27-метровым скелетом голубого кита-бювала. Смонтированный на прочных опорах, он гигантскими челюстями уперся в одну стену зала, а хвостовыми позвонками касается другой.

На останки океанского великана и на рассыпанные под ним черепа, челюсти, бивни, клыки, позвонки и плоские и трубчатые кости разных форм и размеров, скучая за своими стеклянными витринами, со всех сторон смотрят застывшие в оживленных позах чучела зверей и птиц.

Домашние птицы и животные – куры, собаки, голуби, кошки, все разных пород, и дикие звери – волки, лисы, шакалы, барсы, тигры, а над ними пернатые – вальдшнепы и токующие тетерева, орлы с Памира и райские птицы из Новой Гвинеи; крот в своей подземной норе, красноголовые дятлы у спрятанного высоко на дереве гнезда, скромные синички и пышный павлин... А там рыжие с белым брюхом ласки в летнем уборе и другие – в белоснежном зимнем наряде; горностаи в летних и зимних шубках; проказящие медвежата и безо-

бидные козлики; свернувшаяся в узел маленькая гадюка и великан-питон... Дальше вестибюль уже сливается с бесконечной анфиладой высоких залов музея, в которых собрались сбежавшиеся, слетевшиеся, приползшие и приплывшие со всех концов мира птицы, звери, рыбы, гады – им же нет числа.

Покинем, однако, этот мир неожиданных и невообразимых встреч и поднимемся из вестибюля на прилепившиеся под потолком антресоли. Совсем незаметная дверь с табличкой, строго запрещающей вход посторонним, ведет отсюда через десяток ступенек в коридор, который тянется чуть ли не на четверть километра. По всей его длине за сетчатой перегородкой, вплотную примкнув друг к другу, строгими шеренгами стоят наглухо закрытые деревянные шкафы, схожие между собой, как близнецы.

Каждый шкаф – это сто составленных в четыре ряда плоских и легких деревянных ящичков, дно которых выложено пробкой или сухим торфом и покрыто белой бумагой.

Общая площадь листов, выстилающих ящики, измеряется гектарами. Иначе разве могли бы здесь уместиться семь миллионов экземпляров различных насекомых – все, что явно или тайно сосет, пьет, жует, грызет, перемальвывает, сверлит и точит всевозможные порождения или отбросы растительного и животного мира в самых разных концах Земли.

Тишина царит в узких улочках этого необыкновенного деревянного города, в котором выделены целые районы жуков и бабочек, кварталы прямокрылых и сетчатокрылых, проспекты жужелиц, улицы тлей, переулки кокцид...

Пронзенные тонкими энтомологическими булавками или незаметно приклеенные к крохотным пятиугольным лепесткам глянцевого картона, в каждом ящичке, как на плацу, тесными рядами, один к одному, выстроились в посмертном параде насекомые, демонстрирующие блеск, формы и опушение своих хитиновых мундиров, узоры, краски и жилкование крыльев.

Они часто разбиты узким просветом на две колонны: слева – самцы, справа – самки. В углу прикреплен булавкой блестящий, как изморозью покрытый, шарик нафталина. Он охраняет содержимое ящичков от опаснейшего врага – моли. Одним взглядом можно охватить отчетливо различимые на фоне белого прямоугольника десятки и сотни экземпляров нескольких близких видов. Это образцы, собранные из разных мест, иногда из многих стран.

У некоторых насекомых приподняты тусклые или яркие, блестящие или матовые, гладкие или морщинистые надкрылья, расправле-

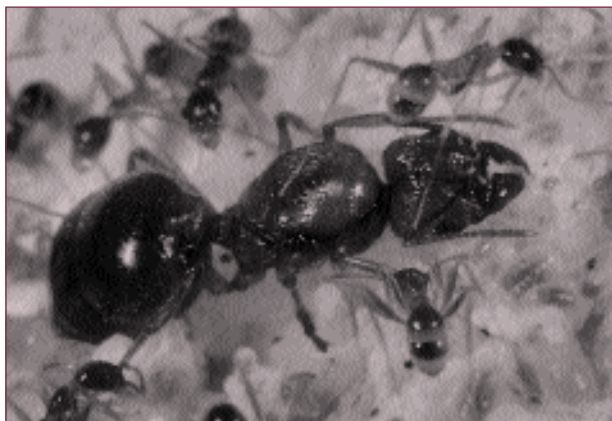
Муравьи почти непрерывно переносят куколок с места на место.

Одетых в кокон куколок – их-то, как уже было замечено, и называют в обиходе муравьиными яйцами – муравьи-няньки выносят из глубины гнезда под купол или на его поверхность, а то даже и за пределы гнезда. Спустя какое-то время их доставляют обратно.

В искусственных гнездах можно видеть, что муравьи почти непрерывно переносят куколок с места на место. Когда куколки голые, это очень впечатляющее зрелище: быстрые, юркие темные создания бегут, и каждое несет в жвалах свою недвижимую белую копию. Муравьи волокут куколок без всяких церемоний, бросают, возвращаются за следующими.

В недрах искусственного гнезда все это выглядит, конечно, совсем не так, как в тех случаях, когда муравейник разрушен и муравьи безудержно и лихорадочно зашатались, молниеносно ударяя при этом антеннами. Особенно яростно снуют они там, где свет падает на пакеты с личинками и склады куколок. Еще до того как муравьи-саперы примутся восстанавливать разрушенный участок гнезда, все до последней куколки и личинки будут убраны в уцелевшую и защищенную часть гнезда или, в крайнем случае, под временные укрытия, откуда затем их унесут под более надежный кров.

Но и в те считанные секунды, пока муравьи, выныривающие из невидимых ходов, схватывают пакеты с личинками или куколок и бегут, унося их подальше, можно все же заметить, что подрастающие поколения содержатся в гнезде не вперемешку, не в беспорядке, а как бы по возрастам: яйца отдельно от личинок, молодые личинки отдельно от более взрослых, да и доспевающие куколки – они занимают больше всего места – собраны, видимо, в особых камерах, отдельно от молодых.

Едва матка, основавшая гнездо, вырастит первых рабочих, колония начинает быстро увеличиваться. Здесь матка вида Феидоле десерт-рум окружена первыми рабочими, яйцами, личинками, куколками.

Почему же они так рассортированы? В чем здесь секрет?

Расскажем о наблюдении, проведенном в искусственном гнезде. Это была прикрытая с боков стеклянными пластинками небольшая гипсовая плитка. Сквозь ее основание проходила трубка с водой. В гипсе были расположены в несколько этажей тридцать три затемненные камеры. В это гнездо вселили небольшую семью муравьев Соленопсис фугакс – матку с каким-то числом рабочих. Через некоторое время муравьи освоили гнездо, и тогда в один прекрасный день ставни, затемняющие камеры, стали одну за другой приоткрывать, чтобы посмотреть, чем занята камера. Осмотр показал, что чуть ли не в половине камер – в пятнадцати из тридцати трех – сложены на разных этажах куколки разного возраста, причем в одной созревающие куколки; семь камер – и тоже на разных этажах – оказались заняты личинками рабочих форм разного возраста; пять – взрослыми личинками самцов и самок, в одной обитала матка; четыре нижние камеры оставались пустыми.

Здесь перечислены только тридцать две камеры. Последняя – тридцать третья, самая маленькая, – находилась в наиболее сухом районе, на верхнем этаже гнезда, дальше всего от водоводной трубки и в стороне от расплода. Эту маленькую камеру посещали разные муравьи, но она явно была необжитой: муравьи оставались тут совсем недолго. Помутневшая, а со временем все сильнее темнеющая поверхность гипса в этой нежилой камере рассеяла сомнения относительно того, как она используется. Кроме того, муравьи определенно стаскивали сюда со всего гнезда мусор, отбросы. Так почему же разные камеры оказались заняты разными возрастными?